

Для цитирования: Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 3. — С. 613–626
doi 10.17059/2016-3-1
УДК 338.12, 338.24

А. А. Акаев^{а)}, Ю. Р. Ичкитидзе^{б)}, А. И. Сарыгулов^{в)}, В. Н. Соколов^{г)}

^{а)} Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

^{б)} Наилональный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

^{в)} Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: cfr@engec.ru)

^{г)} Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО¹

Эволюция социально-экономических систем имеет нелинейный характер, в ней содержатся как периоды плавных изменений, так и последующие резкие трансформационные скачки. Общая конструкция новых перспектив открывается еще на этапе рождения эволюционных процессов, для их прогнозирования требуется анализ исторических предпосылок и рисков, тесно сопряженных с изменением настроений в обществе. С распадом СССР новые независимые государства прошли трансформационно-эволюционный этап развития от экономики региона (они фактически и были регионами) к экономике государства, страны Центральной и Восточной Европы пережили драматический дрейф в сторону Европейского союза. В данной работе рассмотрены итоги почти 25-летней трансформации этих государств. Новые государства, образовавшиеся в результате распада СССР, прошли три типа трансформации. Во-первых, это трансформации, происходящие на идеологическом уровне. Трансформация второго типа имела чисто экономический характер. Третий тип можно характеризовать как институциональную (в том числе структурно-финансовую) трансформацию. Показано, что одной из важных причин скромных экономических результатов на постсоветском пространстве является игнорирование и неиспользование молодыми государствами в практике государственного строительства принципов региональной политики и региональной модернизации. Характерной чертой социально-экономической эволюции стран Восточной Европы после 1990 г. стал резко обозначившийся процесс стратификации и социальной дифференциации общества при недостаточно сильном среднем классе и поляризации уровня доходов в различных регионах. Усиливающаяся поляризация уровней доходов различных регионах выступает как доминирующий тренд растущего экономического неравенства.

Ключевые слова: региональное развитие, экономическое неравенство, интегрированная модернизация, экономическая трансформация, новые государства, кластеризация, институциональные реформы, социальная дифференциация, средний класс

Введение

Замедление темпов роста уровня жизни в странах СНГ, начавшееся в период 2013–2014 гг. можно интерпретировать как результат стечения ряда крайне неблагоприятных обстоя-

тельств: санкционные события 2014 г., последовавший за этим валютный кризис в России, крайняя нестабильность украинской экономики, переход к режиму жесткой экономии в богатом углеводородным сырьем Казахстане. Однако такая оценка ситуации будет носить поверхностный характер.

Если обратиться к литературе, посвященной экономической эволюции постсоветского про-

¹ © Акаев А. А., Ичкитидзе Ю. Р., Сарыгулов А. И., Соколов В. Н. Текст. 2016.

странства, то все исследования можно разделить на три группы.

К первой группе относятся работы, посвященные изучению процессов перехода от коммунистической экономики к капитализму, основанные на гипотезе об оптимальности взаимодействия европейского пути развития на постсоветском пространстве [1–5].

Вторая группа исследований [6–9] рассматривает эволюцию постсоветского пространства комплексно, с учетом как переходного периода, так и последующей интеграции в рамках евразийского пространства.

Третью группу работ составляют исследования, посвященные перспективам экономической интеграции на евразийском пространстве [10–18].

Среди всех упомянутых выше работ мы практически не встретили системных исследований, в которых анализировался бы фактор региональной модернизации как одного из ключевых элементов модернизации на национальном уровне. Вместе с тем необходимо отметить ряд работ, в которых проблемы регионального развития проанализированы комплексно. Здесь, прежде всего, следует отметить исследования, проведенные в Институте экономики Уральского отделения РАН [19–23].

Как показывает практика управления в современной России, наличие качественных результатов научных исследований еще не гарантирует их практического и широкого использования. Невольно приходится констатировать, что региональный аспект развития выпал из поля зрения политиков на постсоветском пространстве, и в этом мы видим одну из ключевых причин многих экономических неудач: политики больше поглощены идеей государственности, но не развитием регионов как составной части национальной экономики.

В отличие от стран СНГ, страны Центральной и Восточной Европы прошли посткоммунистический трансформационный период более быстро, их социально-экономические институты гораздо лучше адаптированы под западные стандарты. Однако только институциональных реформ для успешной региональной модернизации оказалось не достаточно: сохраняющееся межстрановое и региональное различие в уровне жизни сдерживает рост внутреннего рынка; другой негативной тенденцией являются значительно замедлившиеся темпы урбанизации на фоне сокращения, а иногда и вымирания городов [24–27].

1. Что изменилось к лучшему в постсоветский трансформационный период?

Опыт трансформации стран бывшего СССР к условиям рыночной экономики является уникальным. Буквально за две недели, на месте одного огромного союзного государства образовались 15 независимых государств, большинство из которых не только не имели продуманной стратегии и четких планов на будущее, но перед лицом экономической и гуманитарной катастрофы находились на грани локальных военных конфликтов [1, 28]. В условиях царившего хаоса и внутренней неопределенности западные экономисты предложили пакет реформ (для всех стран один и тот же): приватизация государственной собственности, либерализация цен, финансовых рынков и внешней торговли, отказ от взятых на себя социальных обязательств как условие достижения макроэкономической стабильности.

Наиболее «легко» трансформационный спад 90-х гг. преодолела Белоруссия, где максимальный спад ВВП составил всего 35 %, а устойчивое восстановление началось уже с 1996 г. (рис. 1). Отчасти это связано с сохранением диверсифицированной промышленности и сельскохозяйственной ориентацией на российский рынок. Наиболее резкий спад (72 %) был в Грузии, что связано с гражданской войной, конфликтом в Абхазии и самоубийственным разрывом экономических связей с Россией [29]. Глубокие и затяжные спады на 60–70 % и длительностью до 7 лет наблюдались также на Украине, в Молдавии и Таджикистане.

По сравнению со странами Восточной Европы, где максимальный спад составил в среднем 15 %, падение ВВП в постсоветских странах было более глубоким. Это еще раз подтверждает вывод об отличительных особенностях постсоветского пространства от стран Европы. Например, Польша, Венгрия и Чехия в плане институциональной и законодательной составляющих были готовы к экономической трансформации гораздо лучше, чем постсоветские страны, поскольку начали проводить экономические реформы заметно раньше 90-х гг. [30, 31].

В ходе трансформационного периода наблюдалась неравномерность спада в разрезе отраслей промышленности. Были потеряны (и впоследствии не восстановлены) не только наукоемкие производства, но даже легкая и мебельная промышленность. Значительное сокращение доли обрабатывающей промышленности произошло в Армении, Киргизии.

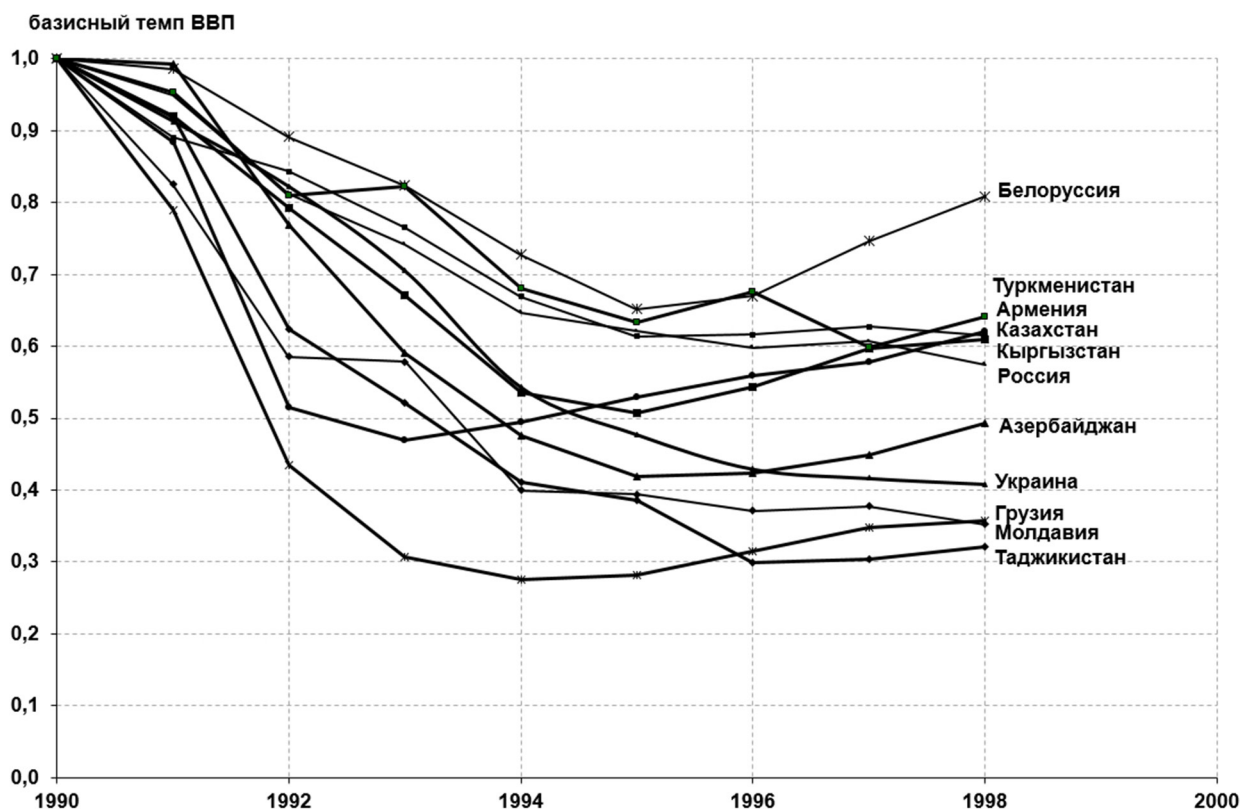

Рис. 1. Базисные темпы роста ВВП в странах СНГ и Грузии в период 1991–1998 гг.

Этот процесс коснулся также Азербайджана, Грузии, Молдавии, Таджикистана, Украины, Узбекистана. Только Белоруссия, Казахстан и Туркменистан к 2014 г. сумели частично перестроить или хотя бы сохранить прежнюю долю обрабатывающей промышленности в ВВП.

Естественным экономическим последствием распада СССР стала гиперинфляция. В России в период 1992–1994 гг. среднемесячные темпы прироста цен составляли 19,7 %, в Белоруссии — 25,1 %, на Украине — 27,5 %. Технической причиной чрезмерной денежной эмиссии послужила ситуация, по сути, конкуренции между центральными банками новых независимых государств, которая сложилась в 1992 г. — первой половине 1993 года. Только с введением национальных валют и на фоне расширения кредитов МВФ в странах СНГ и Грузии в 1995 г. стали наблюдаться первые признаки финансовой стабилизации. Важнейшим итогом гиперинфляции 1992–1995 гг. стало увеличение спроса на доллар США¹.

Все это привело к тому, что все постсоветское пространство стало рассматриваться Западом как рынок сбыта, источник природ-

ных ресурсов и территория экспансии наличных долларов.

Приватизация преимущественно была проведена в скорейшем режиме и строго в интересах новой элиты, простые люди обеднели.² Этот процесс обмана надолго укоренился в сознании населения новых государств как яркая характеристика капитализма и того, что им несет «дикая» рыночная экономика. Поэтому спустя почти два десятилетия медленные процессы приватизации, наблюдавшиеся в таких странах, как Белоруссия и Туркменистан, выглядят весьма разумно как с социальной, так и с чисто экономической точки зрения. К 1996 г. доля частного сектора в ВВП в этих странах составляла 15–25 %, в то время как в России, Украине, Армении, Грузии этот показатель достиг 50–60 % (данные ЕБРР). В Белоруссии медленные и непоследовательные приватизационные реформы были обращены вспять итогами конституционного референдума 1996 г. В настоящее время доля частного сектора в ВВП Белоруссии составляет около 30 %, определяя особенность белорусской экономической модели. Похожей модели придерживаются и Туркменистан, где добычу топливно-энерге-

¹ Всего, по различным оценкам, в страны постсоветского пространства в период 1992–1996 гг. было ввезено 250–300 млрд наличных долларов.

² Об этом свидетельствует более чем двукратный рост индекса Джини в период 1990–1999 гг. в большинстве стран постсоветского пространства (за исключением Белоруссии и Казахстана).

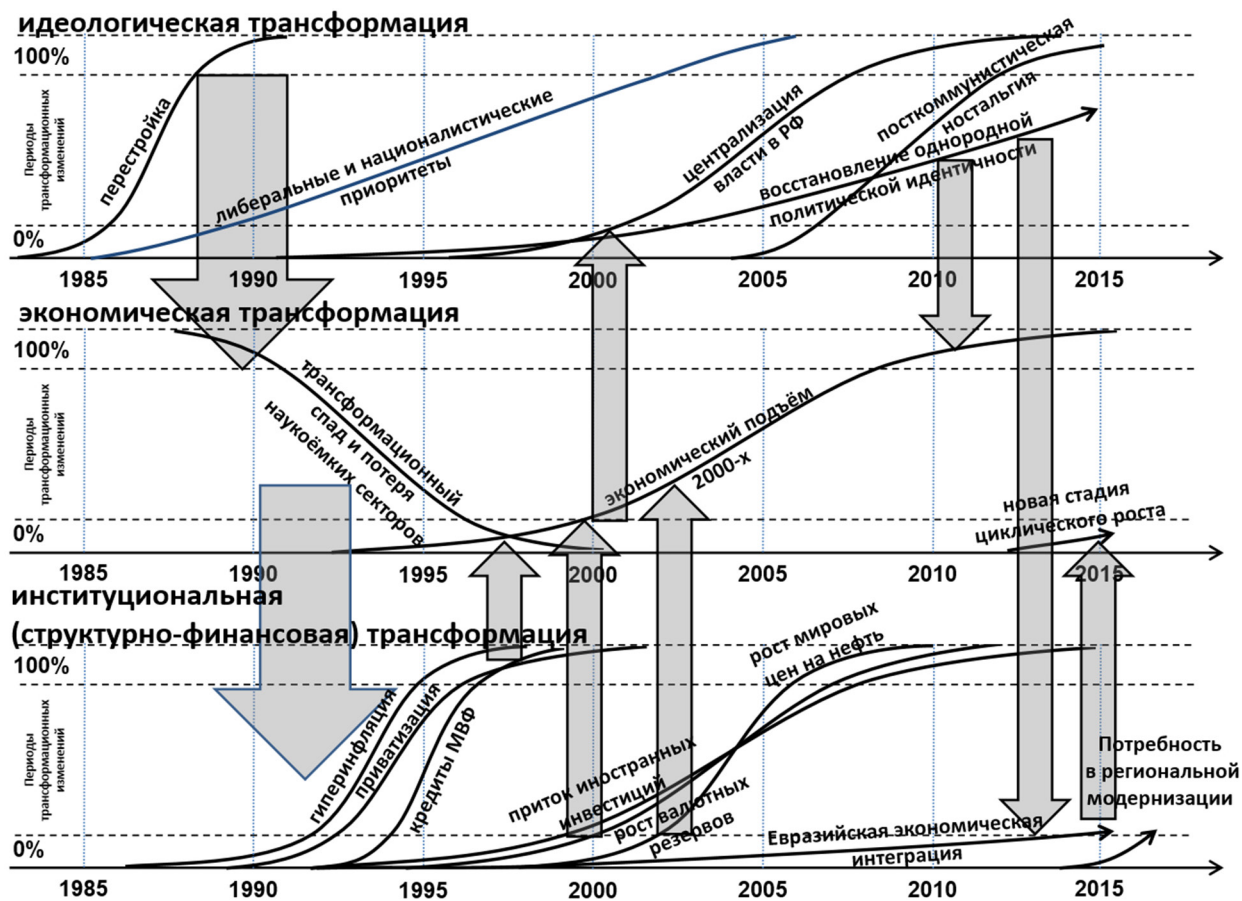

Рис. 2. Структура эволюции постсоветского пространства

тических полезных ископаемых осуществляют государственные концерны «Туркменнефть» и «Туркменгаз», в остальных отраслях экономики доля частного сектора составляет 65%. Государственная монополия на топливно-энергетический сектор в сочетании с политической однородностью, как показывает время, вовсе не мешает Туркмении иметь наибольшие (среди стран СНГ) темпы роста уровня жизни в период после кризиса 2008 г.

Таким образом, последствия приватизационного процесса на постсоветском пространстве свидетельствуют, что страны СНГ и Грузия (в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, и Прибалтики) в связи с особенностями менталитета и традиций были не готовы цивилизованно вступить в рыночную экономику. У подавляющей части населения объективно отсутствовала культура предпринимательства и разумного (эффективного) управления частной собственностью. В таких условиях реформы надо было проводить постепенно, с акцентом на точечную крупномасштабную приватизацию стратегическим инвесторами в обмен на реальные инвестиции. Но этого не произошло, и сегодня мы имеем то, что имеем. Ускоренная приватизация только усилила раз-

вал наукоемких секторов промышленности и усугубила общеэкономический спад. Трудно не согласиться с оценкой, которую дают отдельные российские экономисты: «Постсоветские страны по-прежнему сильно отстают от развитой части мира. Самые успешные из них находятся всего лишь на среднемировом уровне развития. Это результат беспрецедентной деиндустриализации, произошедшей в результате рыночной трансформации и распада СССР» [32, с. 54].

К концу 1990-х гг. структурные изменения, связанные с переходом от плановой экономики к рыночной, по большей части были завершены. Возникший к этому времени разрыв в уровне жизни развитых и развивающихся стран создал условия для экспансии и перемещения отдельных отраслей промышленности из экономически развитых стран на периферию. За счет роста доходов значительной части населения быстро растущих экономик (прежде всего Китая и Индии) стал расширяться общемировой совокупный спрос. Это привело к повышению цен на энергоресурсы и металлы и способствовало, в частности, ускоренному росту экономик тех постсоветских стран, которые ускоренно развивали добывающие сек-

тора экономики и металлургию. Это позволило достичь среднегодовых темпов экономического роста 7,2 % в период 1999–2008 гг., но наиболее высокие среднегодовые темпы роста были у Азербайджана (16,3 %), Армении (11,4 %), Казахстана (9,4 %), а наиболее низкие — в Молдавии (5,9 %) и Киргизии (4,9 %).

В целом, итоги экономической эволюции стран постсоветского пространства в период 1990–2014 гг. позволяют произвести четкую кластеризацию стран на четыре группы. К первой группе относятся страны, экономическое развитие которых было ориентировано на интеграцию с Россией. Это те страны, которые в настоящее время являются членами Евразийского экономического союза — Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия. Ко второй группе относятся страны не входящие в ЕврАЭС, но показавшие значительный рост среднего уровня жизни за счет опережающего развития нефтяного и газового секторов экономики — Азербайджан и Туркменистан. Третья группа стран — это Украина и Грузия, обе страны имели достаточно высокий уровень жизни в советское время, однако не смогли его повысить в период посткоммунистической трансформации. Любопытно, что обе страны являются участниками ускоренного диалога с НАТО, и это отражает свойственное им преимущественно евроатлантическое направление экономической интеграции. Наконец, четвертая группа стран — Узбекистан, Таджикистан и Молдова — это страны с наиболее низким средним уровнем жизни. Молдова по итогам экономического развития ближе к Украине и Грузии. Узбекистан сделал и продолжает делать существенный рывок вперед, как в демографическом плане, так и в плане экономического развития. Мощный внутренний рынок усиливает эти процессы и позволяет ему претендовать в будущем на роль одного из лидеров региона. Таджикистан после разрушительной гражданской войны наконец-то вышел на траекторию устойчивого развития, поэтому, можно ожидать, что в ближайшее десятилетие уровень жизни 1990 г. будет восстановлен.

В более широком плане (рис. 2) можно констатировать, что новые государства, образовавшиеся в результате распада СССР, прошли три типа трансформации. Во-первых, это трансформации, происходящие на идеологическом уровне. Трансформация второго типа имела чисто экономический характер. Третий тип можно характеризовать как институциональную (в том числе структурно-финансовую) трансформацию.

2. Региональное развитие и экономическое неравенство

Исследуя проблему экономического неравенства регионов в странах с низким уровнем доходов и догоняющим типом развития, Дж. Уильямсон выдвинул гипотезу о том, что типичная картина национального развития может быть представлена в форме перевернутой буквы *U*, когда межрегиональные диспропорции создаются на ранних стадиях развития, затем они нивелируются, и уровень развития различных регионов сближается на более поздних стадиях. Такой вывод он делает, основываясь на аргументах Мюрдаля и Хиршмана: межрегиональные связи, движения факторов производства и политика центрального правительства являются селективными в пользу центров развития на ранних стадиях, в то время как более высокий уровень дохода на национальном уровне на более поздних стадиях развития позволяет обеспечить разворот этой тенденции. В странах с высоким уровнем дохода цели роста на национальном уровне и экономическая конвергенция регионов не конфликтуют [33].

Распад социалистической системы и образование Новой Европы на рубеже XX и XXI вв. дали обширный эмпирический материал для проверки этой гипотезы. Расширение Европейского союза предусматривало не только значительное финансирование для адаптации законодательной и институциональной базы новых стран, но и выделение значительных фондов на цели структурных, секторальных и региональных реформ. С целью элиминирования диспропорций различных регионов и обеспечения более плавного вхождения десяти стран (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Латвия, Литва, Эстония, Болгария, Румыния) в состав Европейского союза в начале 1990-х гг. была принята программа по реструктуризации их экономик (Программа PHARE). Развитие регионов происходило за счет финансирования, прежде всего, инфраструктурных проектов по линии Европейского инвестиционного банка. Всего за период с 1991 г. по 1995 г. было выдано займов на сумму 3,45 млрд экю и грантов по Программе PHARE на сумму 5,42 млрд экю и дополнительно 6,69 млрд экю в период с 1995 г. по 1999 г. [34]. В дальнейшем объемы финансирования только возрастали (табл. 1).

Среди причин такой политики со стороны ЕС — существенные различия в межстрановом и региональном уровнях развития (табл. 2).

Таблица 1
Объемы финансовой поддержки ЕС для 10 стран на структурные, секторальные и региональные реформы (млрд евро)*

Страна	Годы		
	2004–2006	2007–2013	2014–2020
Чехия	3,45	26,3.	21,6
Эстония	0,85	3,4	5,9
Венгрия	4,34	26,5	21,49
Латвия	1,43	4,5	4,42.
Литва	2,01	6,7	8,35
Польша	16,01	63,8	82,5
Словакия	1,19	11,4	15,24
Словения	0,8	3,8	20,83
Болгария	—	7,46	15,7
Румыния	—	18,0	21,4

* Составлено по данным KPMG (EU Funds in Central and Eastern Europe. Progress Report 2007–2013. [Electronic resource] URL: <https://www.kpmg.com/SI/en/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Documents/EU-Funds-in-Central-and-Eastern-Europe.pdf> (дата обращения 12.05.2016.) и [35, 36].

Таблица 2
Душевой ВВП по ППС на 1998 г. в 10 новых странах ЕС в сравнении со среднедушевым уровнем ВВП в странах ЕС-15 (%)*

Страна	Средний по стране	Самые богатые регионы	Самые бедные регионы
Чехия	65	120	49
Эстония	34	51	22
Венгрия	37	55	25
Латвия	26	37	16
Литва	29	35	22
Польша	47	70	33
Словакия	47	105	36
Словения	67	84	50
Болгария	28.	34	25
Румыния	32	44	26

* Составлено по данным [37].

Спустя два десятилетия после начала реформ, которые были направлены, кроме прочего, и на сглаживание различий в уровнях регионального развития, западноевропейские эксперты несколько обескуражены их итогами [38]. Основные выводы, которые следуют из итогов обработки статистических показателей по 190 регионам: региональные различия в странах Центральной и Восточной Европы существенно возросли за последние два десятилетия и наблюдается значительная поляризация в региональной производительности и уровне доходов. Авторы исследования подчеркивают сложный характер происходящих эконо-

номических процессов, когда «имеем нечто противоположное — процесс регионального роста в Центральной и Восточной Европе не подчиняется правилу конвергенции, либо монотонной (неоклассической) колоколаобразной кривой (региональной кривой Кузнецца). Скорее всего, динамика конвергенции, хотя она и присутствует, значительно подвержена воздействию многих взаимосвязанных причин, особенно в начале, и позже на более поздних стадиях национального развития, где все больше усиливается значение агломерации и, особенно, воздействие со стороны рыночного спроса. В результате, несмотря на процессы роста национальных экономик явно догоняющего типа, эволюция регионов имеет дивергентный (расходящийся) характер..., демонстрируя таким образом тенденцию к поляризации регионов в этих странах»¹ [38]. Основываясь на результатах исследования, его авторы приходят к выводу, что «региональный рост есть нелинейный процесс, который зависит от уровня национального развития и создает дивергенцию и поляризацию на более поздних стадиях развития, несмотря на отдельные случаи и тенденции к конвергенции».

На наш взгляд, несмотря на значительные расходы в форме различных программ регионального развития, для всех постсоциалистических стран характерен явно доминирующий тренд национального характера — резкая поляризация всего общества по уровню доходов. О наличии такого тренда свидетельствуют результаты, полученные нами на основе производственно-институциональных функций для отдельных стран Центральной и Восточной Европы.

Для анализа влияния неравенства на экономический рост нами была предложена модель следующего вида:

$$\tilde{Y} = \lambda \cdot D \cdot K^{(a+b \cdot G)} \cdot (L \cdot A)^{(n+m \cdot G)}, \quad (1)$$

где \tilde{Y} — объем ВВП; K — объем основных фондов; L — численность занятых в экономике; A — технический прогресс; G — индекс Джини; D — трендовый оператор; λ, a, b, n, m — параметры.

Оптимальное значение коэффициента Джини определяется соотношением:

$$\hat{G} = -\frac{1}{2} \frac{a \ln(K) + n \ln(L \cdot A)}{b \ln(K) + m \ln(L \cdot A)}. \quad (2)$$

Оптимальная траектория ВВП определяется по формуле

$$\tilde{Y} = \lambda \cdot D \cdot K^{(a+b \cdot \hat{G})} \cdot (L \cdot A)^{(n+m \cdot \hat{G})}. \quad (3)$$

¹ © Перевод А. И. Сарыгулова.

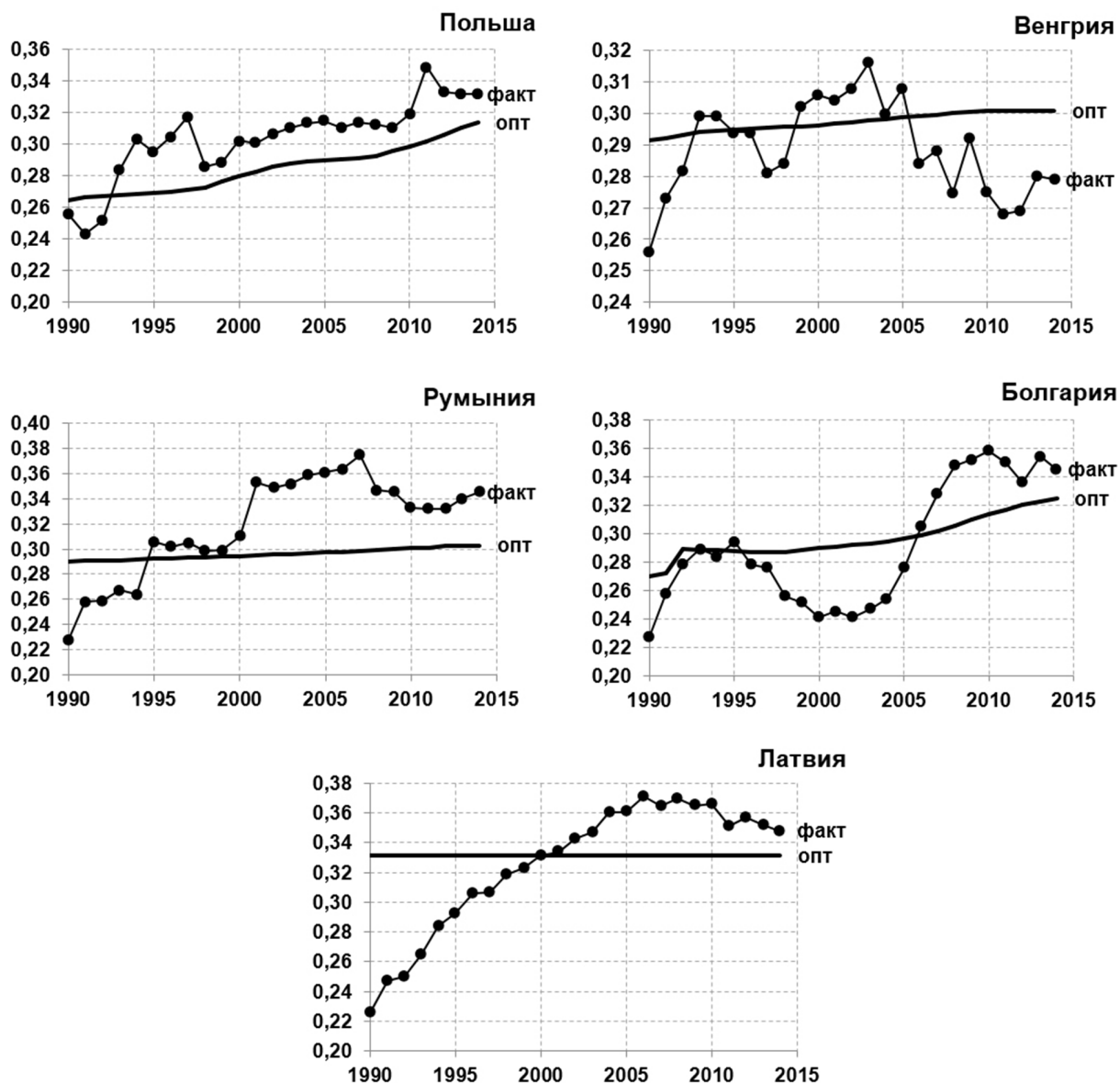

Рис. 3. Динамика фактической и оптимальной траекторий коэффициента Джини для отдельных стран Центральной и Восточной Европы

Результаты расчетов по модели для пяти стран (Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Латвия) показаны на рис. 3.

Как видно на рисунке 3, для всех стран (за исключением Венгрии) характерны постоянное превышение фактического уровня коэффициента Джини над оптимальным и его постоянный рост.

Как следствие, и сами фактические значения ВВП ниже тех, которые могли бы быть достигнуты при оптимальных значениях коэффициента Джини (табл. 3)

Аналогичные расчеты, проведенные нами для федеральных округов РФ, показали, что из-за более высокого уровня неравенства экономические потери являются более существенными (табл. 4, рис. 4)

Таблица 3
Среднее превышение оптимального ВВП над фактическим (%)

Страна	Превышение
Польша	2,4
Венгрия	0,4
Румыния	2,8
Болгария	1,1
Латвия	4,1
Литва	2,8
Эстония	1,9

Сравнение результатов по двум группам стран показывает, что рост экономического неравенства является общей тенденцией, само неравенство замедляет темпы экономического роста, а абсолютные размеры нера-

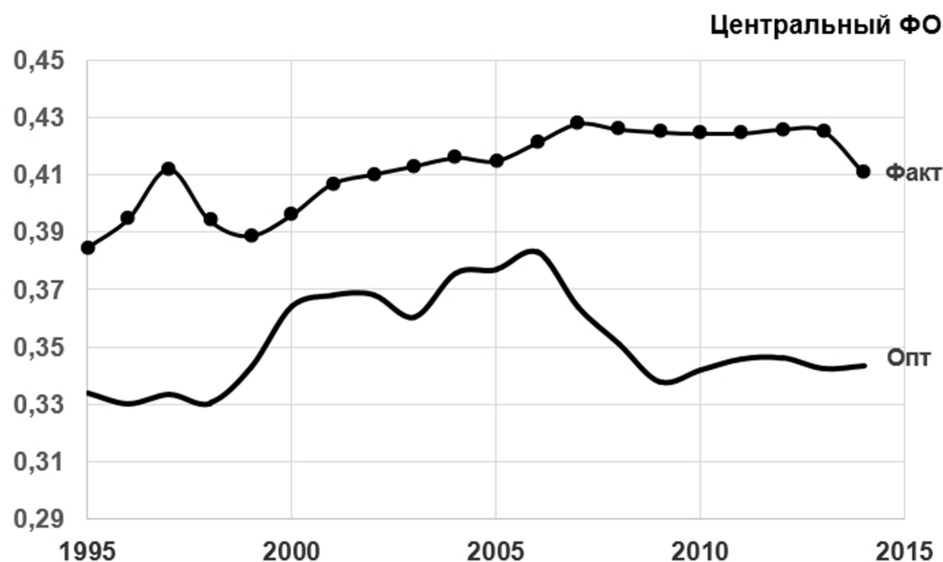

Рис. 4. Динамика фактической и оптимальной траекторий коэффициента Джини для Центрального ФО РФ

Таблица 4
Средние оптимальные значения индекса Джини и среднее превышение оптимального ВВП над фактическим (%) для федеральных округов РФ

Федеральный округ	Средние оптимальные значения индекса Джини	Среднее превышение оптимального ВВП над фактическим (%)
Центральный	0,352	6,1
Северо-Западный	0,345	3,2
Южный	0,334	5,9
Северо-Кавказский	0,323	6,3
Приволжский	0,332	3,5
Уральский	0,353	4,7
Сибирский	0,356	3,0
Дальневосточный	0,332	4,5

венства являются более высокими в странах СНГ.

3. Возможен ли «третий путь» региональной модернизации?

Один из основоположников предмета региональной экономики У. Изард отмечал, что «общая теория размещения и пространственной экономики сама по себе мало дает при решении конкретных практических задач. Такая теория должна быть дополнена прикладными методами регионального анализа, с помощью которых можно дать оценку основных параметров пространственной экономики и каждого отдельного района изучаемой системы» [39, с. 17]. В опубликованной сравнительно недавно монографии китайских ученых [40] особо подчеркивается, что «региональная модернизация — это не аналог национальной в

миниатюре. Регионы в стране могут проводить модернизацию по-разному, а процесс региональной модернизации крайне неравномерен и разделяется на: экономическую, социальную и знаний» [40, с. 105]. К такому выводу авторы приходят на основе анализа разных сценариев индустриализации и урбанизации в 50 штатах и 195 округах США. Анализируя китайский опыт экономического развития, авторы справедливо отмечают необходимость «первичной модернизации — с индустриальной эрой, вторичной — с информационной эрой, или эрой знаний и наличие третьего состояния — интегрированной модернизации, которую понимают как координированное развитие первичной и вторичной модернизации» [40, с. 8]. Говоря о целях региональной модернизации в Китае, авторы особо подчеркивают долговременный характер такой задачи, когда «региональная модернизация Китая в первой половине XXI века имеет следующие цели: к 2020 г. завершить первичную модернизацию; к 2040 г. завершить урбанизацию и модернизацию и начать полный переход к вторичной модернизации во всех административных единицах; к 2050 году достичь уровня среднеразвитых стран мира» [40, с. 110]. Особого внимания заслуживает оценка китайскими учеными итогов российских реформ по предложенному ими индексу интегрированной модернизации¹). Автор предисловия к русскому изда-

¹ Индекс интегрированной модернизации для России (59 %) означает 37-е место среди 131 страны и 16-е место среди 25 среднеразвитых стран, к которым она отнесена. Из трех групп параметров этого индекса, включающего 12 индикаторов, в России наиболее высокое значение имеет социальный индекс — 75 %, что достаточно высоко для

нию проф. Н. Лапшин вполне обоснованно отмечает, что «результаты фундаментальных и прикладных исследований китайских специалистов свидетельствуют о том, что и в России важно различать две стадии модернизации — индустриальную (первичную) и информационную (вторичную), а также различные фазы их динамики в разных по экономическому и социокультурному уровню группах регионов (субъектов Российской Федерации)» [40, с. 11].

Еще сложнее оценить состояние экономической сферы России. В целом ее индекс по нормам интегрированной модернизации составляет лишь 53 %. В рамках этого индекса значения выше среднего имеют индикаторы сферы услуг: доля занятых в этой сфере (83 %) и ее доля в добавленной стоимости (77 %). Но очень низок показатель ППС на душу (36 %) и катастрофически низок уровень ВВП на душу (16 %). Рост этих показателей требует структурных изменений экономики и качественного повышения доли оплаты труда в добавленной стоимости.

Совсем плоха в России ситуация в области эффективности знаний — 49 % (от стандарта). С одной стороны, здесь на 100 % достигнута доля студентов среди молодежи соответствующих возрастов. С другой стороны, индекс финансирования затрат на исследования и разработки по отношению к ВВП составляет лишь 45 %, число пользователей интернета на 100 жителей составляет 31 %, а число жителей, получающих патенты (на 1 млн чел.), составляет 21 %. Наблюдается позитивная динамика индекса интегрированной модернизации России в 2000—2006 гг.: в этот период значения индекса выросли с 54 до 59, то есть примерно на 1 пункт в год. [40, с. 11]

Заключение

Постсоциалистическая эволюция в период 1991–2015 гг. имела неравномерный характер. Новые государства, образовавшиеся в резуль-

среднеразвитых стран. Из четырех его индикаторов медицинские услуги в 1,6 раза превышают стандартное значение (100 % и выше). Близка к стандартному значению доля городского населения (93 % от стандарта). Но существенно отстает ожидаемая продолжительность жизни (83 %) и катастрофически низка экологическая эффективность, измеряемая эффективностью энергетической сферы, точнее, соотношением ВВП на душу населения и потребления энергии на душу населения. Низкий уровень этого соотношения (24 % от стандарта) служит главным тормозом дальнейшего повышения социального индекса в России, а достижение его 100-процентной реализации — задача длительного времени, решение которой требует роста эффективности энергозатрат в несколько раз.

тате распада СССР, прошли три типа трансформации: идеологическую, топологическую, институциональную. Регион постсоветского пространства вынужденно переходил к новому укладу жизни, к новым социально-экономическим институтам, новым правилам игры. Болезненность этому процессу придавали гиперинфляция и значительный рост дифференциации доходов населения. Его ключевым элементом являлась ускоренная приватизация и формирование новой законодательно-правовой базы. В результате этих преобразований были сформированы условия для притока иностранных инвестиций и заложены первые предпосылки для возобновления экономического роста. Рост мировых цен на энергоресурсы позволил отдельным странам нарастить собственную финансовую мощь, выразившуюся в увеличении валютных резервов. Эти финансовые изменения способствовали экономическому подъему, но, как показывает текущая экономическая конъюнктура, рост сменился спадом и перспективы его преодоления несут проблематичный характер.

Региональный аспект развития был практически проигнорирован на всем постсоветском пространстве, и отсутствие цельной и последовательной региональной политики стало одним из факторов неустойчивого развития всех постсоветских экономик.

Анализ трансформационных процессов в странах Восточной Европы за последнюю четверть века показывает, что результаты этого перехода, особенно социальные, для значительной части населения не совпали с первоначальными ожиданиями. Рост экономического неравенства, высокий уровень безработицы, эмиграция как новое социальное явление — все это совсем не то, чего ожидало население в начале реформ. Несмотря на значительные программы регионального развития, разрыв в уровне жизни с западными странами преодолеть не удалось — как и в 90-е гг., он остался существенным, более того, в отдельных странах Восточной Европы плата за переход к рыночной экономике оказалась чрезмерно высокой.

Неравномерный ход реформ привел к кластеризации стран Восточной Европы, созданию европейской «периферии периферии». Характерной чертой социально-экономической эволюции стран Восточной Европы после 1990 г. стал резко обозначившийся процесс стратификации и социальной дифференциации общества при недостаточно сильном среднем классе и поляризации в уровнях доходов

между различными регионами. Аналогичные процессы характерны и для стран СНГ.

Требуется осмысления и использования в практике управления китайский опыт в форме ряда мер региональной модернизации: создание национального органа управления по делам регионального развития; формирование

регионами собственной стратегии модернизации, подкрепленной реальными источниками финансирования; создание научно-исследовательских центров по региональной модернизации; публикация регулярных региональных докладов о модернизации.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант №14-28-00065) «Структурно-циклическая парадигма экономического и технологического обновления макросоциальных систем (Мир и Россия в первой половине XXI века)».

Список источников

1. Гайдар Е. Т. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России / под ред. Е. Т. Гайдара. — М.: Институт экономики переходного периода, 1998. — 1096 с.
2. Aslund A. Building Capitalism: The Transformation of the Former Soviet Bloc. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 508 p.
3. Явлинский Г. А. Периферийный капитализм. Лекции об экономической системе России на рубеже XX-XXI вв. — М: Интеграл-Информ, 2003. — 159 с.
4. Немцов Б. Е. Путин. Итоги. 10 лет. Независимый экспертный доклад. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.putin-itogi.ru/doklad/> (дата обращения: 15.04.2016).
5. Гуриев С., Качинс Э., Ослунд А. Россия после кризиса. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2011. — 394 с.
6. Шмелёв Б. А. Постсоветское пространство: реалии и перспективы / Под общ. ред. Б. А. Шмелёва. — М.: ИЭ РАН, 2009. — 462 с.
7. Глинкина С. П. Модернизация в странах российского пояса соседства. Структурный и технологический аспекты / Отв. ред. С. П. Глинкина. — М.; СПб.: Нестор-История, 2012. — 278 с.
8. Вардомский Л. Б. Социально-экономическое развитие постсоветских стран. Итоги двадцатилетия / Отв. ред. Л. Б. Вардомский. — М.: ИЭ РАН, 2012. — 400 с.
9. Вардомский Л. Б., Пылин А. Г. Структурно-экономические изменения в странах СНГ в 1991–2012 гг. Тенденции и перспективы // Россия и современный мир. — 2014. — № 1 (82). — С. 102–115.
10. Глазьев С. Ю. Таможенный Союз Белоруссии, Казахстана и России. Запуск механизмов // Российский экономический журнал. — 2009. — № 11–12. — С. 46–59.
11. Глазьев С. Ю. Реальное ядро постсоветской экономической интеграции. Итоги создания и перспективы развития Таможенного Союза Белоруссии, Казахстана и России // Российский экономический журнал. — 2011. — № 6. — С. 56–81.
12. Глазьев С. Ю., Ткачук С. П. Перспективы развития Евразийской экономической интеграции. От ТС — ЕЭП к ЕЭС. Концептуальный аспект. // Российский экономический журнал. — 2013. — № 1. — С. 3–12.
13. Глазьев С. Ю., Вашанов В. А. Перспективы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Современные производительные силы. — 2014. — № 1. — С. 38–50.
14. Косикова Л. С. Проблемы консолидации стран содружества вокруг России в условиях внутренней неоднородности региона СНГ // Российский экономический журнал. — 2008. — № 5–6. — С. 31–44.
15. Фурман Е. Д. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Проблемы и тенденции их развития / Отв. ред. Е. Д. Фурман. — М.: ИЭ РАН, 2009. — 330 с.
16. Быков А. Н. Постсоветское пространство. Стратегии интеграции и новые вызовы глобализации. — СПб: Алетейя. — 192 с.
17. Вардомский Л. Б. Фактор соседства в экономическом развитии приграничных регионов стран СНГ / Отв. ред. Л. Б. Вардомский. — М.: ИЭ РАН, 2010. — 426 с.
18. Винокуров Е. Ю., Либман А. М. Две евразийские интеграции // Вопросы экономики. — 2013. — № 2. — С. 47–72.
19. Татаркин А. И. Инновационное развитие регионов России. Теория, практика, управление / Под общ. ред. акад. РАН А. И. Татаркина; РАН. УрО. Ин-т экономики. — М.: Экономика, 2010. — 241 с.
20. Черешнев В. А., Татаркин А. И., Глазьев С. Ю. Прогнозирование социально-экономического развития региона / Под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина, С. Ю. Глазьева; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2011. — 1104 с.
21. Татаркин А. И., Романова О. А., Чененова Р. И., Макарова И. В. Региональная промышленная политика. От макроэкономических условий формирования к новым институтам развития / отв. ред. акад. РАН А. И. Татаркин; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. — М.: Экономика, 2012. — 359 с.
22. Татаркин А. И. Использование кластерного подхода в модернизации экономического пространства Российской Федерации / под ред. акад. РАН А. И. Татаркина; Рос. акад. наук, Урал. отд., Ин-т экономики. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. — 535 с.

23. Суслов В. И., Романова О. А. Структурная и пространственно-временная динамика региональных социально-экономических систем / под ред. чл.-корр. РАН В. И. Сусллова, д. э. н. О. А. Романовой; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013. — 501 с.
24. Couch Ch., Karecha J., Henning N., Deiter R. Decline and Sprawl: An Evolving type of Urban Development — observed in Liverpool and Leipzig // *European Planning Studies*. — 2005. — Vol. 13, Iss. 1. — pp. 117–136
25. Moss T. Cold Spots of Urban Infrastructure: Shrinking Processes in Eastern Germany and the Modern Infrastructural Ideal. // *International Journal of Urban and Regional Research*. — 2008. — Vol. 32, Iss. 2. — pp. 436–451.
26. Yeakey C. C., Thompson V. S., Wells A. Urban Ills: Post Recession Complexities of Urban Living in Global Contexts. Lanham: Lexington Books, 2012. — 325 p.
27. Rumpel P., Slach J., Koutsk J. Shrinking Cities and Governance of Economic Regeneration: The Case of Ostrava // *Business Administration and Management*. — #1. — 2013. — pp. 113–127.
28. Worldbank. Russian Economic Reform. Crossing the Threshold of Structural Change, 1992. — 127 p.
29. Пылин А. Г. Экономика постсоветской Грузии. Тенденции и проблемы // *Российский экономический журнал*. — 2013. — № 1. — С. 86–95.
30. Усиевич М. А. Десятилетие реформ в Венгрии. 90-е годы XX в. // *Новая и Новейшая история*. — 2002. — № 5. — С. 80–97.
31. Куликова Н. В. Результаты трансформации в странах Центральной и Восточной Европы. Общественно-политический и экономический аспекты / Отв. ред. Н. В. Куликова. — М.: ИЭ РАН, 2013. — 392 с.
32. Вардомский Л. Б. Новые независимые государства. Сравнительные итоги социально-экономического развития / под общ. ред. Л. Б. Вардомского — М.: Институт экономики РАН, 2012. — 60 с.
33. Williamson J. G. Regional Development and the Process of National Development: A Description of the Patterns; in: *Economic Development and Cultural Change*. — 1965. — № 13. — pp. 1–84.
34. Hallet M. National and Regional Development in Central and Eastern Europe: Implications for EU structural assistance / European Commission, 1997. — 38 p.
35. Kagar M., Sinhuber B. CEE — from Transition to Convergence. Getting started in the EU. — Vienna, 2014. — 47 p.
36. Mrak M., Richter S., Szemler T. Cohesion Policy as a Function of the EU Budget. A perspective from CEE Member States. // [Electronic resource]. URL: <http://wiiw.ac.at/cohesion-policy-as-a-function-of-the-eu-budget-a-perspective-from-the-cee-member-states-dlp-3625.pdf> (date of access: 05.04.2016).
37. Szemler T. Regional Development and the EU Pre-Accession and Structural Funds. Trend and Possible Courses of Action. // [Electronic resource]. URL: <http://mek.oszk.hu/03700/03767/03767.pdf> (date of access: 25.03.2016).
38. Monastiriotis V. Regional Growth Dynamics in Central and Eastern Europe. // [Electronic resource]. URL: <http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/LEQS%20Discussion%20Paper%20Series/LEQSPaper33.pdf> (date of access: 04.04.2016).
39. Изард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах. — М.: Прогресс, 1966. — 660 с.
40. Чуаньци Х. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае. 2001–2010 / Пер. с англ. под общей редакцией Н. И. Лапина. — М.: Весь Мир, 2011 — 256 с.

Информация об авторах

Акаев Аскар Акаевич — доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1; e-mail: askarakaev@mail.ru).

Ичкитидзе Юрий Роландович — кандидат экономических наук, доцент, департамент финансов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; (Российская Федерация, 194100, г. Санкт-Петербург, Кантемировская, 3; e-mail: ichkitidze@reflexivity.ru).

Сарыгулов Аскар Исламович — доктор экономических наук, начальник Управления научной работы, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская, дом 4; e-mail: cfr@engec.ru).

Соколов Валентин Николаевич — доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Российская Федерация, 191023, г. Санкт-Петербург, Садовая, 21; e-mail: svn@uneccon.ru).

For citation: *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. — 2016. — Vol. 12, Issue 3. — pp. 613–626

A. A. Akayev^{a)}, Yu. R. Ichkitidze^{b)}, A. I. Sarygulov^{c)}, V. N. Sokolov^{d)}

^{a)} Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

^{b)} National Research University Higher School of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)

^{c)} Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (Saint-Petersburg, Russian Federation; e-mail: cfr@engec.ru)

^{d)} Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)

The Post-Socialist Transformation of Central and Eastern European Countries at the Turn of the Century: Regional Development and Economic Inequality

The evolution of the socio-economic systems is a non-linear process and it contains periods with smooth changes and subsequent periods of sharp jump transformation. The general design of new prospects opens at a stage of the birth of evolutionary processes, their forecasting requires the analysis of the historical prerequisites and risks, which are closely integrated to the change of moods in society. With the collapse of the Soviet Union, the newly independent states have passed the transformational and evolutionary stage of development from the regional economy (they actually were the regions) to the economy of the state; the Central and Eastern European countries have experienced a dramatic “drift” to the European Union. In the article, the results of almost 25 years’ transformation of these states are considered. New states, formed as a result of the collapse of the USSR, passed throughout three types of transformation. Firstly, it is the transformation at the ideological level. The transformation of the second type was purely economic. The third type can be characterized as the institutional (including structural and financial) transformation. It is shown that one of the important reasons for the modest economic performance in the post-Soviet space is that newly independent states ignore and do not use in the practice the principles of regional policy and regional modernization. One of the important characteristic of the social and economic evolution of the countries of Eastern Europe after 1990 became the process of stratification and social differentiation of society with an insufficiently strong middle class and the polarization in income levels between the different regions. The increasing polarization in the income levels of the various regions acts as the dominating trend of the growing economic inequality.

Keywords: regional development, economic inequality, integrated modernization, economic transformation, new states, clustering, institutional reforms, social differentiation, middle class

Acknowledgements

The research has been supported by the Russian Science Foundation (Research project №14–28–00065 “Structural and cyclical paradigm of economic and technological renovation of macro-systems (World and Russia in the first half of the XXI century)”.

References

- Gaidar, E. T. et al. (1998). *Ekonomika perekhodnogo perioda. Ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii. [Economics of Transition. Essays on economic policy of post-communist Russia]*. Moscow: Institute of Economy in Transition Publ., 1096.
- Aslund, A., (2002). *Building Capitalism: The Transformation of the Former Soviet Bloc*. Cambridge University Press, 508.
- Yavlinsky, G. A. (2003) *Pereferiynny kapitalizm. Lektsii ob ekonomicheskoy sisteme Rossii na rubezhe XX–XXI vv. [Peripheral capitalism. Lectures on the economic system of Russia at the turn of 20–21 centuries]*. Moscow: Integral-Reform Publ., 159.
- Nemtsov, B. E. (2010). *Putin. Itogi. 10 let: nezavisimyy ekspertnyy doklad. [Putin. Results. 10 years: Independent expert report]*. Retrieved from: <http://www.putin-itogi.ru/doklad> (date of access: 15.04.2016).
- Guriev, S., Kachins, E. & Aslund, A., (2011). *Rossiya posle krizisa [Russia after the crisis]*. Moscow: Alpina Business Books, 394.
- Shmelev, B. A. et al. (2009). *Postsovetskoye prostranstvo: realii i perspektivy [Post-soviet area: realities and prospects]*. Moscow: Institut ekonomiki RAN Publ., 462.
- Glinkina, S. P. (2012). *Modernizatsiya v stranakh rossiyskogo poyasa sosedstva: strukturnyy i tekhnologicheskii aspekty [Modernization in countries of the Russian zone neighborhood: structural and technological aspects]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 278.
- Vardomskiy, L. B. et al. (2012). *Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye postsovetskikh stran: itogi dvadtsatiletiya [Socio-economic development of the post-Soviet countries: outcome of the two decades]*. Moscow: Institut ekonomiki RAN Publ., 400.
- Vardomskiy, L. B. & Pylin, A. G. (2014). *Strukturno-ekonomicheskie izmeneniya v stranakh SNG v 1991–2012 gg: tendentsii i perspektivy [Structural and economic changes in the CIS countries in 1991–2012: trends and prospects]*. *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]*, 1(82), 102–115.
- Glazyev, S. Y. (2009). *Tamozhenny soyuz Belarusii, Kazakhstana i Rossii: zapusk mekhanizmov [The Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia: the launch of mechanisms]*. *Rossiiskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian economic journal]*, 11–12, 46–59.
- Glazyev, S. Y. (2011). *Realnoye yadro postsovetskoy ekonomicheskoy integratsii: itogi sozdaniya i perspektivy razvitiya Tamozhennogo soyuza Belorussii, Kazakhstana i Rossii [The real core of the post-Soviet economic integration: the*

outcome of creation and prospects of the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian economic journal]*, 6, 56–81.

12. Glazyev, S. Y. & Tkachuk, S. P. (2013). Perspektivy razvitiya Yevraziyskoy ekonomicheskoy integratsii: ot TS—EAP k EAS (kontseptualnyy aspekt) [Prospects of development of the Eurasian economic integration: from CU—UES to the EEU (the conceptual aspect)]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian economic journal]*, 1, 3–12.

13. Glazyev, S. Y. & Vashanov, V. A. (2014). Perspektivy razvitiya integratsionnykh protsessov na postsovetском prostranstve [Prospects of development of integration processes in the post-Soviet area]. *Sovremennyye proizvoditelnyye sily [Modern productive forces]*, 1, 38–50.

14. Kosikova, L. S. (2008). Problemy konsolidatsii stran sodruzhestva vokrug Rossii v usloviyakh vnutrenney neodnorodnosti regiona SNG [The Problems of commonwealth consolidation around Russia under the conditions of the CIS region, the internal heterogeneity]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian economic journal]*, 56, 31–44.

15. Furman, E. D. et al. (2009a). *Integratsionnyye protsessy na postsovetском prostranstve: problemy i tendentsii ikh razvitiya [Integration processes in the post-Soviet territory: problems and development trends]*. Moscow: Institut ekonomiki RAN Publ., 330.

16. Bykov, A. N. (2009). *Postsovetское prostranstvo: strategii integratsii i novyye vyzovy globalizatsii [The post-Soviet area: integration strategy and the new challenges of globalization]*. St-Petersburg: Aleteya Publ., 192.

17. Vardomskiy, L. B. et al. (2010). *Faktor sosedstva v ekonomicheskom razvitii prigranichnykh regionov stran SNG [Neighborhood factor in the economic development of border regions of the CIS countries]*. Moscow: Institut ekonomiki RAN Publ., 426.

18. Vinokurov, E. Y. & Libman, A. M. (2013). Dve Evraziyskie integratsii [Two Eurasian integration]. *Voprosy ekonomiki [Economic issues]*, 2, 47–72.

19. Tatarkin, A. I. et al. (2010). *Innovatsionnoye razvitie regionov Rossii: teoriya, praktika, upravlenie [The innovative development of Russian regions: the theory, practice, management]*. Moscow: Ekonomika Publ., 241.

20. Chereshev, V. A., Tatarkin, A. I., Glazev, S. Y. et al. (2011). *Prognozirovanie sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Forecasting the socio-economic development of the region]*. Ekaterinburg: Uralskoye otdelenie Instituta ekonomiki RAN Publ., 1104.

21. Tatarkin, A. I. et al. (2012). *Regionalnaya promyshlennaya politika: ot makroekonomicheskikh usloviy formirovaniya k novym institutam razvitiya [Regional industrial policy: from macroeconomic conditions to the formation of new institutions]*. Moscow: Ekonomika Publ., 359.

22. Tatarkin, A. I. et al. (2013). *Ispolzovanie klasternogo podkhoda v modernizatsii ekonomicheskogo prostranstva Rossiyskoy Federatsii [Using the cluster approach in the modernization of Russian economic regions]*. Ekaterinburg: Uralskoye otdelenie Instituta ekonomiki RAN Publ., 535.

23. Suslov, V. I. et al. (2013). *Strukturnaya i prostranstvenno-vremennaya dinamika regionalnykh sotsialno-ekonomicheskikh system [The structural and spatial-temporal dynamics of regional socio-economic systems]*. Ekaterinburg: Uralskoye otdelenie Instituta ekonomiki RAN Publ., 501.

24. Couch, Ch., Karecha, J., Henning, N. & Deiter, R. (2005). Decline and Sprawl: An Evolving type of Urban Development — Observed in Liverpool and Leipzig. *European Planning Studies*, 13(1), 117–136.

25. Moss, T. (2008). Cold Spots of Urban Infrastructure: Shrinking Processes in Eastern Germany and the Modern Infrastructural Ideal. *International Journal of Urban and Regional Research*, 32(2), 436–451.

26. Yeakey, C. C., Thompson, V. S. & Wells, A. (2012). *Urban Ills: Post Recession Complexities of Urban Living in Global Contexts*. Lanham: Lexington Books, 325.

27. Rumpel, P., Slach, J. & Koutsk, J. (2013). Shrinking Cities and Governance of Economic Regeneration: The Case of Ostrava. *Business Administration and Management*, 1, 113–127.

28. Worldbank (1992). *Russian Economic Reform. Crossing the Threshold of Structural Change*, 127.

29. Pylin, A. G. (2013). Ekonomika postsovetской Gruzii: tendentsii i problemy [The economy of post-Soviet Georgia: trends and challenges]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian economic journal]*, 1, 86–95.

30. Usievich, M. A. (2002). Desyatiletie reform v Vengrii. 90-e gody XX v. [A decade of reforms in Hungary. 90-ies of 20th century]. *Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and contemporary history]*, 5, 80–97.

31. Kulikova, N. V. (2013). *Resultaty transformatsii v stranakh Tsentralnoy i Vostochnoy Evropy (obschestvenno-politicheskiy i ekonomicheskiy aspekty) [The results of the transformation in the countries of Central and Eastern Europe (the socio-political and economic aspects)]*. Moscow: Institut ekonomiki RAN Publ., 392.

32. Vardomskiy, L. B. et al. (2012). *Novyye nezavisimyye gosudarstva: sravnitelnyye itogi sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [New independent states: comparative results of socio-economic development]*. Moscow: Institut ekonomiki RAN Publ., 60.

33. Williamson, J. G. (1965). Regional Development and the Process of National Development: A Description of the Patterns. *Economic Development and Cultural Change*, 13, 1–84.

34. Hallet, M. (1997). *National and Regional Development in Central and Eastern Europe: Implications for EU structural assistance*. European Commission, 38.

35. Kagar, M. & Sinhuber, B. (2014). *CEE — from Transition to Convergence. Getting started in the EU*. Vienna, 47.

36. Mrak, M., Richter, S. & Szemler, T. *Cohesion Policy as a Function of the EU Budget. A perspective from CEE Member States*. Retrieved from: <http://wiiw.ac.at/cohesion-policy-as-a-function-of-the-eu-budget-a-perspective-from-the-cee-member-states-dlp-3625.pdf> (date of access: 05.04.2016).
37. Szemler, T. *Regional Development and the EU Pre-Accession and Structural Funds. Trend and Possible Courses of Action*. Retrieved from: <http://mek.oszk.hu/03700/03767/03767.pdf> (date of access: 25.03.2016).
38. Monastiriotis, V. *Regional Growth Dynamics in Central and Eastern Europe*. Retrieved from: <http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/LEQS%20Discussion%20Paper%20Series/LEQSPaper33.pdf> (date of access: 04.04.2016).
39. Isard, W. (1966). *Metody regionalnogo analiza: vvedenie v nauku o regionakh [Methods of regional analysis: an introduction to the science of regions]*. Moscow: Progress Publ., 660.
40. Chuanqi, H. et al. (2011). *Obzornyy doklad o modernizatsii v mire i Kitaye (2001–2010) [A survey report on the modernization of the world and China (2001–2010)]*. Moscow: Ves Mir Publ., 256.

Authors

Askar Akayevich Akayev — Doctor of Engineering, Professor, Chief Research Associate, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie gory St., Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: askarakaev@mail.ru).

Yury Rolandovich Ichkitidze — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finances, National Research University Higher School of Economics, (3, Kantemirovskaya St., St. Petersburg, 194100, Russian Federation; e-mail: ichkitidze@reflexivity.ru).

Askar Islamovich Sarygulov — Doctor of Economics, Head of the Department of Scientific Work, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (4, 2nd Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: cfr@engec.ru).

Valentin Nikolayevich Sokolov — Doctor of Economics, Professor, Saint-Petersburg State University of Economics (21, Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russian Federation; e-mail: svn@unecon.ru).